Б13 3/128

813
3
128

МОСКОВСКАЯ

ТРИФОНОВСКАЯ

ЦЕРКОВЬ.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1895.

Алексѣй Петровичъ
БАХРУШИНЪ

МОСКОВСКАЯ

ТРИФОНОВСКАЯ

ЦЕРКОВЬ.

МОСКВА.
Типографія Высоч. утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1895.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 13 марта 1895 г.

Цензоръ священникъ *Григорій Дьяченко.*

Гос. Истор...
Инвент. № 311 614
193 г.

Московская Трифоновская церковь.

Церковь св. мученика и чудотворца Трифона, что въ Напрудной, занимаетъ у насъ выдающееся, по своему всемосковскому богомолью, мѣсто.

Она построена на краю Москвы, невдалекѣ отъ Сокольниковъ, близъ Крестовской заставы, Марьиной рощи и Лазаревскаго кладбища, въ мѣстности, которая называлась слободой Напрудной, а въ древности была пригороднымъ селомъ нашихъ государей.

Здѣсь, по старинным свидѣтельствамъ, находился громадный прудъ, еще въ прошломъ столѣтіи, какъ видно на геометрическомъ планѣ Москвы (1739 года), занимавшій площадь въ 200 саженъ длины и въ 140 ширины. Изъ этого „великаго“ нѣкогда пруда вытекала рѣка Рыбная, или Напрудная.

На одномъ изъ холмовъ этого урочища и была построена эта церковь. Но время ея происхожденія до сихъ поръ составляетъ любопытнѣйшій вопросъ въ храмовой исторіи Москвы.

Издавна существовало устное преданіе, записанное впервые только въ настоящемъ столѣтіи, глубоко трогательнаго и поэтическаго характера, что она построена какимъ-то сокольникомъ, который упустилъ любимаго государева сокола и долженъ былъ заплатить за это головою, если не сыщетъ птицы. Въ концѣ даннаго ему на это срока несчастный пришелъ къ Великому пруду, вблизи Сокольничьяго лѣса, въ ту мѣстность, гдѣ наши государи охотились „на мокрую“,

т. е. водяную птицу, и горячо молился своему ангелу св. мученику Трифону и, при его помощи, нашелъ здѣсь улетѣвшаго сокола. Одни относятъ это событіе ко времени Іоанна Грознаго, скораго на казни; другіе — къ царствованію Алексѣя Михайловича, который хотя и назывался въ лѣтописяхъ „тишайшимъ", но, чрезвычайно любя соколиную охоту, для коей онъ самъ написалъ особый уставъ, или „Урядникъ сокольничьяго пути", могъ дѣйствительно грозить смертью неисправному сокольнику *).

Это преданіе глубоко трогало нашихъ поэтовъ. Такъ графъ А. К. Толстой посвятилъ ему нѣсколько лучшихъ страницъ въ своемъ историческомъ романѣ: „Князь Серебряный". Особенно характерно, что то же преданіе вдохновило къ цѣлой отдѣльной поэмѣ доктора медицины А. Г. Лукьяновскаго: „Былина про царя Ивана Грознаго и князя Трифона Патрикѣева" (*Русскій Вѣстникъ* 1882 года, іюнь).

Описывая безуспѣшные поиски за соколомъ навлек-

*) Царь Алексѣй Михайловичъ, уряжая въ названномъ уставѣ обряды этой потѣхи, называетъ ее „красною и славною птичьею охотой", ибо „красносмотрителенъ и радостенъ высокова сокола летъ"; и хотя говорилъ, чтобы его служилые люди изъ-за нея не забывали правды, суда и ратнаго строя, однако дѣлаетъ слѣдующій собственноручный прилогъ: „Дѣлу время, потѣхѣ часъ". С. Т. Аксаковъ, въ своей пояснительной замѣткѣ къ „Уряднику", говоритъ: „Соколиная охота — по преимуществу благородная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ затравленныхъ лебедей, гусей и утокъ, тутъ охотники наслаждаются рѣзвостью и красотою соколинаго полета или, лучше сказать, неимовѣрной быстротой его паденія изъ-подъ облаковъ, силою его удара" (Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича П. И. Бартенева). Какъ увлекался поэзіей охоты этотъ царственный ловчій, видно изъ его писемъ къ стольнику и ловчему А. И. Матюшкину. Однажды, 10 апрѣля 1657 года, царь „поѣхалъ отвѣдывать птицу на добычахъ" и между Сущевымъ и Напруднымъ наѣхалъ мѣсто, залитое весеннею водою. Здѣсь были утки, многіе шилохвосты, свіязи и чирята. Пустили одного сокола, но онъ не спустился

шаго на себя царскій гнѣвъ сокольника, котораго эта былина называетъ княземъ Патрикѣевымъ, поэтъ говоритъ, что несчастный надъ Великимъ прудомъ—

Съ воплемъ крѣпкимъ на колѣни палъ:
„О святой, Христовъ Трифонъ мученикъ,
Благъ хранитель мой и порученикъ!
Завтра смерть моя... завтра казнь моя,
Защити меня и спаси меня!“
И лишь Трифону такъ взмолился онъ,
Какъ на мѣстѣ томъ, не вставаючи,
Опустился онъ, позабылся сномъ.
Ночь кончается, утро близится...
И нежданное и чудесное
Сновидѣніе князю видится...
Небо ширится, разверзается...
Во блистающемъ одѣяніи
Свѣтозарный мужъ ниспускается.
„Княже Трифоне, пробудися ты!
И честнымъ крестомъ осѣнися ты!
Какъ возставешь ты, на востокъ пойдешь,
Тамъ и сокола не искавъ найдешь!..“
И воздвигъ онъ храмъ, подъ Москвой, въ лѣсу...
И по днесь стоитъ чудотворный храмъ,
Словно звѣздочка путеводная,
Золоченый крестъ къ небу высится,

на добычу. Пустили другого „Дикомыта“; онъ добылъ, къ радости охотника, большую добычу и потѣшилъ его хорошимъ летомъ. 12 іюня, въ отсутствіе царя, при стольникѣ князѣ Юріи Романовскомъ красный кречетъ Гамаюнъ „добылъ промежъ Сущева и рощи, что къ Напрудному, каршака“ (коршуна). Въ этихъ любопытныхъ письмахъ ярко выступаетъ забота царя о соколахъ и кречетахъ, доходившая до указаній, какъ беречь ихъ, учить, кормить и проч., радость объ упущенномъ и пойманномъ около Рязани соколѣ. „Я теперь,—пишетъ царь въ одномъ письмѣ,—кладуся на васъ во всемъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ: и вы меня не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепороть, а если убережете, и васъ милостиво пожалую и сокольниковъ также“. Понятно, что соколовъ и кречетовъ, какъ требовалъ того „Урядникъ“, берегли какъ зѣницу ока.

А о чудѣ томъ молвь народная
На святой Руси всюду слышится.

Важнымъ доказательствомъ истинности этого народнаго преданія является самый образъ мученика Трифона въ его московскомъ храмѣ. Здѣсь только эготъ чудотворецъ изображенъ не пѣшимъ и съ крестомъ въ рукѣ, какъ это мы видимъ на греческихъ иконографическихъ изображеніяхъ, а на бѣломъ конѣ, съ соколомъ въ рукѣ. Для такого именно изображенія, которое народъ называетъ „русской иконой", св. Трифона нѣтъ мотивовъ ни въ житіи этого угодника, хотя онъ и пасъ домашнюю птицу, ни въ молитвословіяхъ церковныхъ, кои почитаютъ его защитникомъ полей и огородовъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Слѣдовательно, мотивъ къ этому русскому иконографическому изображенію св. Трифона заключается именно въ той чудесной помощи государеву сокольнику, о коей повѣствуетъ это сказаніе.

Два существующихъ варіанта его, сходясь въ повѣствованіи о фактѣ, рѣзко разнорѣчатъ относительно его времени. По одному, описанное было во время Алексѣя Михайловича, по другому — при Іоаннѣ IV. Но оба эти варіанта устнаго преданія противорѣчатъ документальнымъ, письменнымъ свидѣтельствамъ.

Въ книгѣ патріаршаго приказа, подъ 1625 г. значится церковь Трифона великомученика въ селѣ Напрудномъ. Но существуетъ много письменныхъ доказательствъ, что этотъ храмъ существовалъ и ранѣе Грознаго. Въ цѣломъ рядѣ духовныхъ завѣщаній великихъ князей московскихъ, начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, въ числѣ другихъ государевыхъ селъ, каждый разъ упоминается „село Напрудское, или Напрудное". То, что оно называется селомъ, доказываетъ, что здѣсь былъ храмъ, ибо села отличаются отъ деревень именно храмами. Да и какъ не быть храму именно въ селѣ

государевомъ, притомъ такомъ, которое въ духовномъ завѣщаніи передается, конечно, какъ болѣе важное, старшему сыну государя. „Въ душевной грамотѣ“ Іоанна III (1504 года) Напрудское село имѣло, помимо сельскихъ дворовъ, городскіе и посадскіе дворы (Собр. Государств. грамотъ и договоровъ, томъ I, стр. 394). Еще ранѣе, при отцѣ его Василіи Темномъ, въ нему „тянули дворы городскіе“. Стало-быть, уже въ XV вѣкѣ Напрудское село было и важное и многолюдное. Важность его опредѣлялась и рыбною ловлей и охотой на мокрую птицу. Какъ же такое великокняжеское село могло обходиться безъ храма?

Этого не отрицаютъ и тѣ, кто, какъ напр. И. М. Снегиревъ, держатся того варіанта устнаго преданія, что церковь во имя Трифона мученика построена при Грозномъ, а до него здѣсь, по мнѣнію ихъ, была другая въ честь какого-либо иного святого. Но это предположеніе ничѣмъ не доказывается. Обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства, приводящія совсѣмъ къ другимъ выводамъ. Е.ть вѣскія доказательства того, что въ Москвѣ, да и во всей Великороссіи *) уже къ концу XIV вѣка сильно была развита соколиная охота, а въ XV вѣкѣ въ Москвѣ и далѣе ея распространяется почитаніе мученика Трифона.

Сынъ Іоанна Калиты, получившій отъ него, по духовному завѣщанію, село Напрудское, передаетъ въ 1341 году наслѣднику своему брату Іоанну „сокольничій путь“, который ставится выше путей конюшаго, ловчаго и другихъ. Здѣсь подъ сокольничьимъ путемъ нужно разумѣть, конечно, не дорогу, мимо Напрудскаго села, чрезъ Сокольники, въ лѣса Радонежскіе, а цѣлое сокольничье вѣдомство или приказъ, съ пут-

*) По примѣру кіевской Руси. См. поученіе Владиміра Мономаха и Слово о полку Игоревѣ, гдѣ говорится о соколиной охотѣ.

ными боярами: сокольничьимъ и подсокольничьими, цѣлымъ штатомъ сокольниковъ и кречетниковъ и съ разными урочищами и угодьями. Во второмъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ присутствіи св. Алексія митрополита, этотъ великій князь изъ селъ къ Москвѣ въ городскомъ уѣздѣ называетъ Напрудское. Какъ это послѣднее, такъ и сокольничій путь передается Димитріемъ Донскимъ въ 1389 году старшему сыну его Василію I.

Въ его великое княженіе (1389—1425 гг.) соколиная охота пріобрѣтаетъ такое значеніе, что конный сокольникъ съ птицей въ рукѣ получаетъ значеніе государственнаго герба Москвы; онъ отчеканивается на монетахъ Василія I такъ же, какъ и всадникъ съ мечомъ или копьемъ въ рукѣ. Въ это время рѣшался вопросъ: мирный ли всадникъ съ соколомъ въ рукѣ или воинствующій всадникъ съ мечомъ или копьемъ возьметъ верхъ въ качествѣ государственной эмблемы? На монетахъ Василія Темнаго очень часто встрѣчается всадникъ съ соколомъ въ рукѣ. Въ то же время и удѣльные московскіе князья: звенигородскіе, дмитровскіе, можайскіе, начинаютъ чеканить монеты съ такимъ же нумизматическимъ изображеніемъ. Но и этого мало: конный сокольникъ въ теченіе XV столѣтія распространяется на монеты тверскихъ и ярославскихъ князей, свидѣтельствуя о томъ, какъ была въ это время во всей сѣверо-восточной Руси распространена соколиная охота, какимъ она пользовалась высокимъ почетомъ; на это до сихъ поръ не обращала вниманія наша археологія.

Но еще менѣе обращено вниманія было со стороны нашей нумизматики и геральдики на то, что государственная эмблема „Конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ“ удивительно совпадаетъ съ русскимъ иконографическимъ изображеніемъ св. мученика Трифона на конѣ съ соколомъ въ рукѣ. Если въ послѣдующее время

геральдическое изображеніе „государя на конѣ“, поражающаго копьемъ змія, по тѣсной связи нашей государственной и церковной жизни, слилось и отождествилось съ иконографическимъ изображеніемъ св. великомученика Георгія, то такое характерное для нашей геральдики и иконографіи сліяніе могло совершиться и относительно всадника съ соколомъ и св. мученика Трифона на конѣ и съ тою же птицей.

Изображеніе коннаго сокольника въ правленіе Іоанна III исчезаетъ въ Москвѣ съ монетъ, но зато оно появляется на печати, и именно на родовой печати князей Патрикѣевыхъ, родъ которыхъ какъ-то особенно тѣсно связанъ съ соколиной охотой. Такая печать привѣшена была къ духовному завѣщанію князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, когда онъ, послѣ жестокой опалы на враговъ Софьи Ѳоминишны, съ сыномъ своимъ Василіемъ долженъ былъ принять иноческій постригъ. Этотъ родъ Гедиминовичей вышелъ изъ Литвы вслѣдъ за Софьей Витовтовной. Князь Юрій Патрикѣевъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ, дочери Василія I. Играя большую роль въ теченіе трехъ княженій, этотъ родъ пріобрѣлъ огромныя богатства и замѣтно очень любилъ охоту вообще, а особенно соколиную. У князя Ивана Юрьевича былъ домъ въ Москвѣ, „гдѣ Семенъ святый стоялъ на Большей улицѣ, на площади за Сокольней“. Уходя въ монастырь, онъ передаетъ остающимся въ міру сыновьямъ сокольниковъ, утятниковъ, псарей, стрѣлковъ, трубниковъ и рыболововъ и своей печатью съ изображеніемъ всадника съ соколомъ въ рукѣ свидѣтельствуетъ свою любовь къ соколиной охотѣ.

Примѣчательно, что одновременно съ появленіемъ коннаго сокольника на монетѣ въ XV вѣкѣ, начинаетъ въ Москвѣ распространяться среди близкихъ къ государю людей имя св. Трифона, въ кіевской Руси

почти не встрѣчавшееся. При Василіи Темномъ мы въ самомъ великокняжескомъ дворцѣ встрѣчаемъ лицо, имѣвшее большое значеніе, съ именемъ Трифона. Въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ въ это время былъ архимандритъ Трифонъ; онъ сдѣлался духовникомъ великаго князя и былъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ всероссійскимъ, свидѣтелемъ трехъ духовныхъ завѣщаній этого государя. При этомъ государѣ настоятелемъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря былъ архимандритъ Трифонъ, который и разрѣшилъ Василія Темнаго отъ данныхъ имъ Шемякѣ „проклятыхъ", или клятвенныхъ, грамотъ. Въ правленіе Іоанна III мы видимъ съ именемъ св. Трифона епископа сарскаго и подонскаго. При Василіи III, въ числѣ составителей его грамотъ, упоминается Трифонъ Ильинъ, которому принадлежитъ запись этого великаго князя о построеніи Новодѣвичьяго монастыря. Въ это же правленіе прославился св. Трифонъ печенгскій, новгородецъ по происхожденію, просвѣтитель лопарей Кольскаго полуострова, построившій на Печенгѣ въ 1553 году монастырь. Въ царствованіе Іоанна IV еще чаще встрѣчается у русскихъ людей имя св. Трифона. Такъ, въ это время настоятелемъ Симоновскаго монастыря является Трифонъ и становится въ 1547 году поручникомъ князя Пронскаго по его крестоцѣловальной записи. Въ то же царствованіе въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ выступаетъ, въ качествѣ просвѣтителя вогуловъ и остяковъ, Трифонъ вятскій, дѣятельность котораго, впрочемъ, развилась послѣ смерти Грознаго. Этотъ послѣдній въ 1583 г. посылаетъ Трифона Коробейникова на Востокъ къ тамошнимъ патріархамъ и въ монастыри съ царскою милостыней по убіенномъ царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ. Путешествіе по святымъ мѣстамъ Греціи, Палестины и Египта Трифона Коробейникова сдѣлалось любимымъ чтеніемъ на Руси. Въ 1566 году въ числѣ царскихъ дьяковъ,

занятыхъ составленіемъ грамотъ, встрѣчается дьякъ Максимъ, Трифоновъ сынъ. Таковы свѣдѣнія о распространенности въ московской Руси почитанія св. мученика Трифона, которое становится особенно замѣтнымъ, начиная съ Василія II, когда еще было въ ходу на монетахъ изображеніе сокольника. Но оно могло быть еще раньше, съ того времени, съ какого упоминается впервые „сокольничій путь“ и даже село Напрудское, имѣвшее храмъ, одновременный съ построеннымъ при Іоаннѣ Калитѣ Успенскимъ соборомъ.

Изъ сказаннаго видно, что построеніе Трифоновской церкви можно пріурочивать и къ болѣе раннему времени, чѣмъ царствованіе Алексѣя Михайловича и Іоанна Грознаго. Для этого данныя болѣе вѣски, чѣмъ устное, мало считающееся съ хронологіей преданіе.

Но къ какому именно времени относится происхожденіе этого храма, за отсутствіемъ письменныхъ указаній, когда храмъ именно въ честь мученика Трифона построенъ,—можно рѣшить только тщательнымъ археологическо-архитектурнымъ его изслѣдованіемъ. По типу своего зодчества онъ относится къ псковско-новгородскимъ постройкамъ, бывшимъ въ ходу въ Москвѣ до прихода сюда италіанскихъ архитекторовъ. Слѣды этого видны во всемъ: и въ самой стройкѣ, и въ матеріалѣ его, и въ кладкѣ послѣдняго, и его склейкѣ.

Храмъ этотъ имѣетъ видъ правильнаго четвероугольника, стороны котораго дѣлятся пилястрами на три части. Сообразно съ этимъ верхи стѣнъ сведены тремя дугами, кои были покрыты черепицей, какъ кремлевскія башни. Но чья-то варварская рука эти дуги выровняла кирпичною кладкою въ одну линію, на которую оперлась безобразная четырехскатная кровля. Она скрываетъ и теперь подъ собою характерную и древнюю восьмигранную трибуну, на которой возвышалась глава съ закомарами. Подъ тою же позднѣйшаго происхожденія

крышей стоитъ донынѣ маленькая звонница, состоящая изъ двухъ столбиковъ, на которой сѣлъ колоколъ-ясакъ, съ проведенной отсюда прямо въ алтарь веревкой.

Размѣръ храма 8 квадратныхъ аршинъ. Въ сводѣ его сдѣлана выемка правильнымъ четырехконечнымъ крестомъ. Фундаментъ состоитъ изъ огромныхъ дикихъ камней, связанныхъ глиной, смѣшанной съ соломой. Вся церковь, за исключеніемъ позднѣйшей надстройки, сложена изъ бѣлаго камня безо всякаго кирпича, который начинаютъ выдѣлывать въ Москвѣ ко времени Іоанна III.

Тщательная реставрація этого оригинальнаго памятника чисто русскаго зодчества много пролила бы свѣта на храмовую исторію Москвы.

Къ этой, очевидно, охотничьей церкви (для сокольниковъ) пристроены были въ настоящемъ столѣтіи два придѣла: одинъ во имя Николая чудотворца, другой во имя св. Филарета Милостиваго, освященный приснопамятнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ 1861 году.

Въ настоящее время эти два придѣла и старая колокольня разобраны до основанія, и на мѣстѣ ихъ строится новый храмъ. Размѣръ этой новой церкви болѣе соотвѣтствуетъ увеличившемуся и упрочившемуся здѣсь богомолью, не изъ одной только Москвы, а и изъ другихъ городовъ Россіи. Примѣчательно, что это богомолье развилось во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, главнымъ образомъ въ шестидесятыхъ годахъ, хотя церковь, еще при императорѣ Александрѣ Благословенномъ, по его Высочайшему повелѣнію, получила частицы мощей отъ главы св. мученика Трифона, находящейся въ каѳедральномъ соборѣ въ Которѣ, принадлежавшемъ въ началѣ настоящаго столѣтія князю и митрополиту Черногоріи Петру Петровичу Нѣгошу; частицы этихъ мощей были присланы княземъ-владыкой Черногоріи московскому купцу Трифону Семеновичу Добрякову, который, будучи серебряникомъ, со-

орудилъ на свой счетъ дорогой ковчегъ для главы своего ангела и отправилъ его въ Черногорію. Этотъ благотворительный москвичъ поднесъ эти мощи императору Александру I, а тотъ приказалъ передать ихъ въ Трифоновскую церковь, что и совершилось 14 сентября 1819 года. Но эта святыня еще долго не привлекала богомольцевъ, и приходъ церкви былъ такъ малъ и бѣденъ, что по словамъ составителя исторической о ней записки протоіерея І. Приклонскаго, ее „предполагалось или приписать къ какому-либо другому приходу, или совсѣмъ упразднить". Въ другомъ мѣстѣ своей книжки отецъ І. Приклонскій говоритъ: „Трифоновская церковь донынѣ имѣетъ весьма немного собственныхъ прихожанъ и притомъ преимущественно такихъ, какіе живутъ по краямъ города, напримѣръ, крестьянъ, занимающихся воздѣлываніемъ близлежащихъ огородовъ, или мелкихъ ремесленниковъ, не имѣющихъ достатка къ найму болѣе дорогихъ квартиръ внутри города".

Такимъ образомъ церковь эта, съ теченіемъ времени, обезпечила свое существованіе и подняла свое значеніе иноприходнимъ богомольемъ, которое начинаетъ быстро развиваться въ шестидесятыхъ годахъ. Начатки его относятся ко времени севастопольской войны, когда сюда стали пріѣзжать богомольцы изъ иныхъ приходовъ. Это было при настоятелѣ церкви М. В. Быстровѣ. Этотъ достопочтенный пастырь, будучи преклонныхъ лѣтъ, не былъ въ силахъ уже отвѣчать требованіямъ начавшагося въ Москвѣ стремленія въ эту церковь. Послѣ смерти маститаго старца, митрополитъ Филаретъ, знавшій эту церковь прежде, назначилъ ея настоятелемъ протоіерея В. Г. Назаревскаго. Проницательный владыка сдѣлалъ цѣлесообразный выборъ. Новоназначенный настоятель понялъ будущее значеніе ввѣреннаго ему Божія храма, его потребности и съ выдающеюся энергіей и неустанною

настойчивостію вполнѣ отвѣчалъ своему назначенію. Храмъ, въ которомъ только раза два въ недѣлю совершалась служба, гдѣ богомольцы принуждены были молиться сплошь и рядомъ только въ незапиравшейся наружной часовенкѣ, сразу, при небольшомъ причтѣ, былъ поставленъ относительно богослуженія въ совсѣмъ новыя условія. Въ немъ установлена ежедневная неопустительная служба. Ни одного раза въ году не опускалась не только утреня, но даже и вечерня, хотя бы на ней присутствовали одни только церковные сторожа. Было установлено, чтобы всякій, желавшій отслужить молебенъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, не получалъ отказа. Установлено было хорошее чтеніе и пѣніе въ церкви въ будніе дни, заведены были проповѣди и поученія по праздникамъ. Народъ, влекшійся сюда разгоравшеюся вѣрою въ Трифона мученика, сталъ больше и больше посѣщать его храмъ и, видя, что онъ находитъ для себя полное молитвенное удовлетвореніе, сталъ стремиться сюда массами такими, кои удивили Москву и сдѣлали тѣснымъ недавно расширенный храмъ, такъ что потребовалось еще новое его расширеніе. Понять потребности этого святого дѣла и найти средства для ихъ удовлетворенія, особенно въ пору шестидесятыхъ годовъ, требовало отъ настоятеля незаурядной энергіи. Въ Бозѣ почившій митрополитъ Филаретъ цѣнилъ протоіерея В. Г. Назаревскаго, помимо его личныхъ качествъ, за его выдающуюся дѣятельность, въ сороковыхъ годахъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ онъ, среди ожесточенной борьбы съ нѣмцами, сдѣлался помощникомъ преосвященнаго Филарета Гумилевскаго въ великомъ дѣлѣ православія — присоединенія къ нему огромныхъ массъ эстовъ и латышей. Когда протоіерей В. Г. Назаревскій получилъ должность профессора греческаго языка въ московской духовной семинаріи, то приснопамятный владыка-митрополитъ

познакомился съ нимъ ближе, привлекши его къ веденію на греческомъ языкѣ переписки съ восточными патріархами и къ окончательной провѣркѣ издававшагося тогда перевода Новаго Завѣта. По всей справедливости, должно сказать, что этотъ скончавшійся въ 1881 году настоятель Трифоновской церкви принадлежалъ къ выдающимся представителямъ русскаго духовенства.

Митрополитъ Филаретъ, во время настоятельства протоіерея В. Г. Назаревскаго, своими мудрыми указаніями много содѣйствовалъ развитію въ Трифоновской церкви ея нынѣ очень обширнаго богомолья.

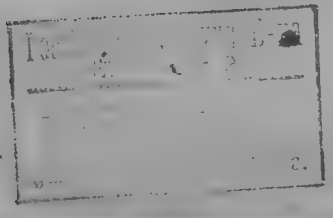
Для того, чтобы судить о быстротѣ и прочности его развитія, приведемъ слѣдующія данныя о финансовой сторонѣ этой церкви въ теченіе 20 лѣтъ, 1861—1881 г. Въ 1860 г. она имѣла прибыли отъ продажи свѣчъ всего 39 руб., а въ 1880 г. уже 10,000 руб. Кружечный и кошельковый ея сборы въ первомъ году давали 3,000 руб., а въ послѣднемъ 6,000 руб. До этого церковь имѣла большой долгъ, по постройкѣ новаго придѣла, а къ 1881 году имѣла капиталъ въ 40,000 р., съ 2,000 ежегодныхъ процентовъ. Такимъ образомъ церковь, прежде очень небогатая, стала выдаваться изъ ряда другихъ московскихъ церквей и своими финансовыми средствами. Это дало ей возможность не только широкой рукой удовлетворять всѣ потребности въ благолѣпіи своего богослуженія, но и озаботиться и многимъ другимъ: церковь была расширена большими пристройками, обведена каменной оградой; были выстроены два большихъ моста, построены дома для причта, капитально реставрированы иконостасы, содержалась вновь построенная богадѣльня для бѣдныхъ, отсылались значительныя суммы на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, дѣлались значительныя пожертвованія на содержаніе бѣдныхъ духовнаго званія, на

храмы въ Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ и на другія благотворительныя дѣла.

Въ послѣдующее время богомолье своимъ естественнымъ ростомъ такъ развилось и упрочилось, что Трифоновская церковь пріобрѣла возможность содержать двухкомплектный причетъ, выстроить два новыхъ для него дома, учредить церковно-приходскую школу, построить новую колокольню и начать стройку заново двухъ ставшихъ тѣсными придѣловъ — св. Николая чудотворца и св. Филарета Милостиваго. Въ настоящее время настоятелями церкви состоятъ: протоіерей І. І. Приклонскій, занимающій должность благочиннаго, и священникъ Г. М. Дьяченко, цензоръ духовныхъ книгъ и составитель учебниковъ по закону Божію и книгъ для народнаго чтенія.

Въ заключеніе выразимъ нѣкоторыя благопожеланія, распространенныя въ кругу религіозныхъ почитателей Трифоновской церкви. 1) Необходимо реставрировать главный храмъ этой церкви, составляющій примѣчательнѣйшій памятникъ въ исторіи Москвы и нашего церковнаго зодчества. 2) Для покрытія стотысячнаго дефицита, по постройкѣ новой церкви, слѣдуетъ привлечь не только къ пожертвованіямъ на нее, но и къ участію въ ея хозяйственныхъ дѣлахъ представителей всемосковскаго богомолья, на ряду съ мѣстными прихожанами, дающими сравнительно весьма немного на содержаніе церкви. 3) Для развитія богомолья слѣдуетъ ввести по праздникамъ и нѣкоторымъ изъ будничъ дней чтеніе въ церкви акаѳиста мученику Трифону, разрѣшеннаго Св. Синодомъ и составленнаго однимъ свѣтскимъ лицомъ, испытавшимъ на себѣ и своей семьѣ силу молитвъ этому великому угоднику Божію.

КОНЕЦЪ.



ПРОДАЕТСЯ

у священника московской Трифоновской церкви

о. Григорія Дьяченко.

Цѣна 10 коп.

ПРОДАЕТСЯ

у священника московской Трифоновской церкви

о. Григорія Дьяченко.

Цѣна 10 коп.